

Дэвид Фишман. Шкловцы: первые российские евреи Нового времени (пер. Ася Фруман)

М.: Книжники, 2020. ISBN: 978-5-9953-0660-3. 320 с.

Эстер Зыскина

(Иерусалим, Израиль)

Еврейский университет в Иерусалиме

Аспирантка

E-mail: asya.zyskin@mail.huji.ac.il

ORCID: 0000-0002-1907-5366

DOI: 10.31168/2658-3364.2021.2.12

В центре внимания в книге известного историка восточноевропейского еврейства Дэвида Фишмана «Шкловцы: первые российские евреи Нового времени» находится белорусский город Шклов и его еврейская община в конце XVIII – начале XIX в. Эта работа была опубликована еще в 1995 г., однако ее русский перевод вышел в свет только в 2020-м. Тем самым важное исследование, предлагающее новый взгляд на зарождение еврейского Просвещения в Восточной Европе, стало доступно и русскоязычному читателю.

Вопреки устоявшимся на момент первой публикации «Шкловцев» историографическим понятиям (в частности, высказанным Майклом Станиславски, Эли Ледерхендлером и др. [Stanislawski 1983; Lederhendler 1989]), Фишман представляет Шклов конца XVIII в. как своеобразную колыбель восточноевропейской Хаскалы. Именно там и тогда, с его точки зрения, начали проявляться первые признаки интереса к светским наукам, культуре и образу жизни. Как утверждает автор, предпосылки интеллектуального всплеска, произошедшего в Шклове в XVIII в., непосредственно связаны с историей еврейства *медина* *Русья* (ивр. «российское государство» – имеются в виду территории, относящиеся сейчас к Восточной Беларуси) и берут начало еще во времена, предшествующие присоединению этой территории к Российской империи. На протяжении семи глав автор раскрывает этот тезис, рассматривая и различные аспекты жизни шкловских евреев, и биографии нескольких выдающихся шкловцев. Важной отличительной чертой работы является смещение ак-

цента с личности на локус: Фишман демонстрирует, что географические, социальные, религиозные и иные внешние факторы зачастую играют не меньшую, а иногда и большую роль, чем фактор человеческий.

В первой главе рассматривается роль Шклова и шкловских евреев в борьбе между хасидами и *митнагдим*, ставшей критически важным элементом восточноевропейской еврейской истории. За довольно краткий период Шклов прошел путь от активнейшего центра борьбы с хасидизмом до фактической столицы Хабада. Опираясь на архивные источники, в том числе на личную переписку Шнеура-Залмана из Ляд и других хасидских лидеров, Фишман представляет всю остроту конфликта, включавшего не только экономические репрессии, но и, по некоторым источникам, физические расправы [с. 40]. Такая ситуация была в своем роде уникальной для Шклова и Могилевской губернии: Фишман противопоставляет им соседнюю Полоцкую губернию, где расклад сил был противоположным. Ключевую роль в этом развитии сыграло законодательство в отношении кагалов, позволившее могилевскому губернскому кагалу сопротивляться распространению хасидизма в регионе, не превышая при этом своих полномочий. Соответственно, после отмены кагалов в 1795 г. ничто уже не препятствовало распространению хасидизма в Шклове.

Во второй главе Фишман представляет еще один принципиально важный в истории восточноевропейского еврейства конфликт – раскол между *маскилим* и традиционалистами. Этот конфликт автор показывает через призму биографии р. Баруха Шика, представителя раввинистической элиты и популяризатора науки. Уникальной личностью Шика сделало не только его увлечение точными и естественными науками, нехарактерное для человека его происхождения и взглядов, но и представления о том, для чего необходима наука. Интересна и эволюция идеологии Шика: от стремления продемонстрировать связь точных наук с еврейской мистической литературой он пришел к осознанию скудости еврейских познаний в светской науке, а затем стал использовать эту связь, чтобы улучшить образ иудаизма в глазах его критиков [с. 82–83]. Фишман подчеркивает, что Шик не был маскилом, поскольку, кроме науки, его не интересовали никакие другие аспекты маскильской повестки. Тем не менее период его пребывания в Берлине, в кружке еврейских просветителей, собравшихся вокруг Моисея Мендельсона, оказал крайне значительное влияние и на него самого, и на берлинских *маскилим*. Таким образом, Шик, по словам Фишмана, стал «прототипически[м] пример[ом] раввинов-традиционалистов, которые наряду с Торой изучали науки в основном ради демонстративного апологетического жеста – чтобы доказать, что иудаизм “мудр и разумен”» [с. 86–87]. Следует заметить, что следующие поколения восточноевропейских еврейских просветите-

лей, как и Шик, стремились показать, что просвещение никоим образом не противоречит еврейской традиции¹.

Третья глава посвящена первым контактам шкловской общины с европейским образом жизни и идеями европейского Просвещения. Благодаря тесным связям шкловской еврейской купеческой элиты с «двором» Семена Зорича, бывшего фаворита императрицы Екатерины II, а также постоянному взаимодействию с берлинским кружком *маскилим*, евреи Шклова познакомились с европейским образом жизни и стали ему подражать. Фишман вновь представляет развитие феномена на примере биографий двух выдающихся деятелей, Ноты Ноткина и Йехошуа Цейтлина. Оба происходили из купеческой элиты и добились больших социальных и экономических успехов, однако если Ноткин, вследствие своих частых поездок в Берлин и общения с немецкими *маскилим*, стал приверженцем идей берлинской Хаскалы и, по выражению Фишмана, умеренной аккультурации, то у Цейтлина к этим качествам добавились приверженность раввинистическим идеалам и набожность [с. 98, 108]. Впрочем, Ноткин и Цейтлин были выдающимися, но единичными примерами в целом ряду представителей шкловской элиты, которые состояли в контакте с Западной Европой и в той или иной мере поддерживали развивавшиеся там в этот период идеи Просвещения. Для Фишмана этот факт является ключевым, поскольку подтверждает появление просветительских идей (в частности, идеи масштабной реформы еврейского образования) в Восточной Европе еще в конце XVIII в.

В четвертой главе рассматривается появление в Шклове и его окрестностях светской литературы на иврите – как просветительской, так и художественной. Этот аспект Фишман представляет на примерах работ двух авторов: Нафтали-Герца Шульмана и Хаима-Авраама Каца. Работы Шульмана впервые открывали для еврейского читателя знания, находящиеся за пределами раввинистических источников, но делали это в завуалированной форме. Кац же опубликовал драму «*Милхама бе-Шалом*» («Война против мира»), которая, несмотря лежащий в ее основе библейский сюжет, являлась самостоятельным произведением художественной литературы на иврите. В обоих случаях в текстах присутствовал значительный религиозный компонент, который, с одной стороны, маскировал новаторское содержание, а с другой – легитимизировал его. Так или иначе читателю этих произведений представлялся пласт знаний, которые до сих пор были ему недоступны.

В пятой главе Фишман анализирует взаимодействие просвещенных шкловских евреев с российскими имперскими властями в период между

¹ См., например, «*Теуда б-Израэль*» Исаака Бера Левинзона [Levinsohn 1828], считающуюся в историографии поворотным пунктом в развитии восточноевропейской Хаскалы – именно с этой позицией спорит Фишман в рецензируемой работе.

последним разделом Польши и приходом к власти Александра I. В частности, Фишман подробно рассматривает проект реформ, представленный уже упоминавшимся Нотой Ноткиным. Этот проект призывал к реформе экономической деятельности евреев и предоставлению им большей свободы производства. Ноткин и в дальнейшем активно участвовал в политической дискуссии о евреях, став в 1802 г. советником при Еврейском комитете, созданном Александром I. В рамках работы в комитете он «выдвинул план интеграции евреев в российскую государственную систему и российское общество, позволявший им сохранять определенную степень общинной автономии и не дававший государству напрямую вмешиваться в их религиозную и культурную жизнь» [с. 157]. Кроме проекта Ноткина, в главе рассматривается участие в обсуждении еврейского вопроса еще двух деятелей: Абрама Перетца и Йехуды-Лейба Неваховича. Однако анализ деятельности Перетца может показаться более спекулятивным, чем остальная часть исследования, так как Фишман основывает его на своих предположениях в большей степени, чем на архивных источниках, «поскольку большинство комитетских записей сгорели во время пожара» [с. 162].

В шестой главе представлено взаимодействие раввинов и общинных лидеров – *митнагдим* и хасидских – с наукой, просвещением и аккультурацией. Эта область стала камнем преткновения между двумя враждующими группами. *Митнагдим*, ссылаясь на Виленского Гаона, не протестовали против изучения светских наук как таковых (будучи при этом против аккультурации) и стали, таким образом, своеобразным союзником *маскилим*, которые также были противниками хасидизма [с. 182, 192, 200]. Хасидские лидеры, напротив, отрицали любое соприкосновение со светскими науками и призывали к полному отмежеванию от нееврейского мира.

В последней, седьмой, главе книги автор фокусируется на причинах и последствиях краха Шклова как культурного и экономического центра. К причинам этого можно отнести, в частности, второй и третий разделы Польши, вследствие которых Шклов утратил статус пограничного города, обеспечивавший прежде его экономическое процветание и обилие международных контактов; крах политической деятельности выдающихся шкловцев в Санкт-Петербурге; эмиграцию раввинской элиты в Землю Израиля, приведшую к потере Шкловом статуса «центра раввинистическо-митнагедской культуры» [с. 219]. Таким образом, Шклов утратил свой уникальный характер во всех аспектах, которыми он выделялся на рубеже XVIII–XIX вв.

Подводя итог своего исследования, Фишман делает важный вывод: «Историческая важность Шклова заключается не в том, какое наследие он оставил и как он повлиял на последующие события, а в том, как он парадигматически предвосхитил их» [с. 226]. Действительно, развитие

российского еврейства в XIX в. было во многом похоже на короткий, но яркий период развития Шклова как центра экономической, политической, культурной и религиозной еврейской жизни, включавший первые зачатки Просвещения, интенсивное взаимодействие с лидерами религиозных общин и активные попытки сотрудничества с имперскими властями. Шклов и его еврейская община, таким образом, стали прообразом дальнейшей истории евреев Российской империи.

Книга Фишмана стала важной вехой в историографии восточноевропейской Хаскалы в частности и восточноевропейского еврейства вообще. На протяжении 25 лет, прошедших с момента ее издания, эта книга стала заметной, широко цитирующейся работой в целом ряду выдающихся исследований по истории восточноевропейского еврейства. В некоторых случаях тезисы, высказанные Фишманом, становились предметом для дискуссии: так, в своей монографии «The Gaon of Vilna» (2002) Иммануэль Эткес подвергает критике предположение Фишмана о сильном влиянии, которое оказала шкловская община на Виленского Гаона, – с точки зрения Эткеса, это влияние было гораздо менее значительным [Etkes 2002, 255].

Появление этой многогранной книги на русском языке – безусловно, важное событие для русскоязычной иудаики в целом и для исследователь восточноевропейской Хаскалы в частности.

Литература

- Фишман 2020 – *Фишман Д.* Шкловцы: первые российские евреи Нового времени (пер. Ася Фруман). М.: Книжники, 2020. 320 с.
- Etkes 2002 – *Etkes I.* The Gaon of Vilna: The Man and His Image. Berkeley: University of California Press, 2002. 299 p.
- Lederhendler 1989 – *Lederhendler E.* The Road to Modern Jewish Politics: Political Tradition and Political Reconstruction in the Jewish Community of Tsarist Russia. New York: Oxford University Press, 1989. 240 p.
- Levinsohn 1828 – *Levinsohn I.B.* Teudah b-Israel (=Обычай в Израиле). Вильно/Гродно, 1828. 193 p. [иврит].
- Stanislawski 1983 – *Stanislawski M.* Tsar Nicholas I and the Jews. Philadelphia: Jewish Publication Society, 1983. 246 p.

Esther Zyskina

(Jerusalem, Israel)

The Hebrew University of Jerusalem

PhD student

E-mail: asya.zyskin@mail.huji.ac.il

ORCID: 0000-0002-1907-5366

References

- Etkes, I., 2002, *The Gaon of Vilna: The Man and His Image*. Berkeley: University of California Press, 299.
- Fishman, D., 2020, *Shklovtsy: pervye rossiiskie evrei Novogo vremeni* [Russia's First Modern Jews: The Jews of Shklov]. Moscow, Knizhniki, 320.
- Lederhendler, E., 1989, *The Road to Modern Jewish Politics: Political Tradition and Political Reconstruction in the Jewish Community of Tsarist Russia*. New York: Oxford University Press, 240.
- Stanislawski, M., 1983, *Tsar Nicholas I and the Jews*. Philadelphia: Jewish Publication Society, 246.